

17 ИЮЛ 1974

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД

г. Ленинград

ДАРОВАНИЕ ДРАМАТИЧЕСКОЕ

ЛАУРЕАТЫ
СМОТРА

Эта актриса, кажется, предназначена для создания духовного портрета молодой женщины, девушки, подростка.

Что привлекает в ее даровании? Прежде всего драматическая его основа. Драматизм ее сдержан, он — в контрастном сочетании нежной инфантильности и внутренней силы. Актриса не демонстрирует свой сценический темперамент, а как бы предоставляет возможность догадываться о нем. Не мастерством перевоплощения покоряет она зрителей, но острой характерностью сценического рисунка, а своей индивидуальностью.

Бывает так, что природа дарования актера своими истоками уходит в биографию. Жизненный опыт определяет и круг его сценических привязанностей. Про Галину Никулину, актрису Театра имени Ленсовета, лауреата первого ленинградского смотра, прошедшего под девизом «Молодость. Мастерство. Современность», пожалуй, этого не скажешь. Внешняя канва ее жизни выглядит довольно благополучно, хотя и не совсем привычно.

Влечение к сцене проявилось у нее рано. Уже в пятнадцать лет худенькая девочка становится воспитанницей театрального училища при Драматическом театре имени Качалова в Казани. В девятнадцать лет она вышла на профессиональную сцену, а через три года приехала в Ленинград, стала актрисой Театра имени Ленсовета. Ее сразу ввели на роли в спектаклях «Малыш и Карлсон», «Жестокость». Потом сыграла Сонечку Мармеладову. За эти годы Г. Ни-

кулина прочно вошла в репертуар и не знает в сущности самого неприятного для молодого актера — простоя. Вот почему ее пристрастие к созданию драматических героинь, видимо, питается не опытом собственной судьбы, а заключено скорее в самой натуре — в органически присущей ей способности отзываться прежде всего на боль (а не радость, к примеру). Может быть, поэтому иной зритель и «не принимает» ее в ролях, требующих комедийных, эксцентрических красок. Явно не хватает Г. Никулиной жанровой палитры в Санчике (спектакль «Дульсинея Тобесская»).

Одна из последних работ — роль секретарши суда в спектакле «Ковалева из провинции». В героине Г. Никулиной появляются непривычные краски. Какая-то сухость, недоброжелательность. Эта девушка в модных брюках пользуется благосклонностью самой Ковалевой. Студентка-заочница, она обнаруживает подчас трезвую расчетливость. Но ценит она не правосудие в себе, но себя в правосудии. Впрочем, все это играет актрисой как-то незаметно, легким намеком и достаточно изыщно упрятано в обаятельную раскованность поведения.

Наиболее характерной для Г. Никулиной кажется нам роль Гайле в спектакле «Огонь за пазухой».

Поразительна та полная отрешенность, с какой она слушает своего любимого Линаса. Постепенно ее лицо меняется, и взгляд становится все отчужденней, стро-

же. Линас, которого она так любит, оказывается совсем чужим. Они несовместимы духовно. Речь не о различиях в книжной образованности (она может быть больше или меньше), но о культуре чувств. О той чрезвычайно тонкой, как будто неосязаемой материи, наличие которой в человеке может стать величайшим откровением жизни для другого, а отсутствие — горем. В этом милом, элегантном парне за обаятельной внешностью — пустота. Она, Гайле, придумала его. Нафантазировала. Так не проще ли уйти? Наверное. Но для нее, для худенькой, гибкой, как ветка лозы, испытующе-внимательной Гайле, как ее играет Г. Никулина, проще, кажется, разбиться насмерть. Только не примириться с этим страшным разочарованием в любимом. Только не отступиться от самой себя. Жизнь и смерть Гайле в этом спектакле есть по существу вызов нравственной бесхребетности, вызов каждому, для кого «слова любви лишь звук пустой».

Когда просматриваешь мысленно одну за другой ее роли, почему-то невольно вспоминается пушкинская строка «печаль моя светла...» В драматических портретах и эскизах Галины Никулиной действительно много света. Игра ее не производит впечатления безотрадности. Напротив, остается приятное ощущение какого-то освобождения от цепкой власти бытового, мелкого. Будто только что слушал мелодию, и она тебя волнует.

Э. ЯСНЕЦ